

АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ

- Егор Тимурович, сейчас вы не входите в правительственную структуру, но занимаетесь политикой в партии Демократический выбор России. Эта работа доставляет больше удовлетворения, чем управленческая?

- Так получилось, что в 1991 году мне довелось начинать реформы в России. Они вскоре были остановлены. Но все, что происходило лотом (вне зависимости от того, влиял ли я на события или не влиял, был ли в правительстве или не был), неизбежно связывалось с моим именем.

В подобной ситуации тихо сидеть за рабочим столом и отвечать за все - очень тяжело. Поэтому, пока была такая возможность и пока мои советы иногда были нужны правительству, пытался их давать, чтобы глупостей было меньше. Сейчас, когда сформировано правительство левоцентристского большинства и курс совершенно другой, то мы, разумеется, находимся в оппозиции. Будем предлагать свои варианты, анализировать то, что происходит, давать оценку действиям правительства и вести политическую борьбу за наше видение российского будущего. Так что для меня эта работа - скорее вопрос долга.

МЕНЯЛ ЛИ ОН СВОИ ВЗГЛЯДЫ?

- Политический курс, позиция Демократического выбора России как-то влияет на принятие важных решений в Думе, Правительстве РФ?

- Да, влияет. У ДВР небольшая фракция в Госдуме. Хотя бывало, что при ключевых голосованиях голоса наших нескольких депутатов были принципиально важными.

- Егор Тимурович, вас знают не только как экономиста и реформатора. В свое время вы работали в «Правде», журнале ЦК КПСС «Коммунист». Ваши теоретические и аналитические статьи привлекали неизменное внимание. Тогда вы писали об экономике социализма, хотя после 1991 года вас воспринимают как убежденного рыночника-реформатора. Вы колебались вместе с линией партии? Что повлияло на эволюцию ваших экономических взглядов?

- Если вы читали мои статьи того периода, то убедитесь, что я не писал об экономике социализма. Я писал об экономике Советского Союза. Моя докторская диссертация посвящена анализу функционирования социалистической экономики, ее проблем, противоречий, динамике структуры производства. Это очень важный объект анализа, который вообще невозможно было понять: что происходит в Союзе и что будет происходить лотом в России?

Я писал о том, как назревает кризис в социалистической экономике. Пытался остановить нарастание этого кризиса и придать ему хоть какой-то управляемый характер, подказать политической элите, как это надо сделать. Но после того как кризис стал неуправляем, социалистическая система управления развалилась. Я был убежден, что если она развалилась, то надо как можно быстрее формировать каркас рыночной экономики в России. В этой связи свои взгляды я не менял. Но сегодня, разумеется, я понимаю некоторые вещи гораздо лучше, чем лет 5, 12 и 18 лет назад.

ПОЧЕМУ РЕФОРМЫ У НАС ИДУТ ТУГО?

- Методы «шоковой терапии» в Польше остались в прошлом, и в итоге они принесли

результаты. Внутренний валовой продукт в этой стране постоянно растет, а жизненный уровень среднего поляка выше, чем у россиянина. Почему же у нас реформы идут так туго?

- А у нас не было никогда «шоковой терапии»! В Польше - была! Там были радикальные реформы и сразу же жесткая бюджетная политика. И именно поэтому реформы там оказались нелегкими, как и везде. За три года полякам удалось остановить инфляцию и создать базу экономического роста.

У нас же реформы начались достаточно решительно, но были очень быстро остановлены. Они никогда не были подкреплены жесткой бюджетной политикой. Такая политика, в отличие от Польши, у нас никогда не имела парламентской поддержки. Именно поэтому реформы оказались растянутыми, тяжелыми и травматичными.

перестройки, бывший министр экономики Доминго Кавальо, с советами и рекомендациями российскому правительству по выводу страны из кризиса. Вы полагаете, латиноамериканский опыт неолиберальных реформ приемлем для России? В чем его ценность для нас, если о таковой можно говорить?

- Еще раз подчеркиваю - этот опыт очень разнообразен. Если говорить о латиноамериканском опыте неолиберальных реформ, то обратил бы внимание на три основных модели: мексиканскую, аргентинскую и чилийскую. Знание каждой из них в высшей степени полезно для любого человека, обсуждающего экономическую политику, в том числе и в России, но не заменяет знания и понимание экономики своей страны.

Очень хочется найти выход из наших непростых проблем за спиной спяного, уминого генерала на белом коне. По-моему, это детский взгляд на вещи. «Никто не даст нам избавления. Ни Бог, ни царь и не герой». Не даст и автократ - либеральный реформатор.

ПРИМАКОВ

В РОЛИ ПРИКРЫТИЯ

- Что вы думаете о нынешней ситуации в России?

- Ситуация в России очень сложная. И экономическая и политическая. И в ближайшее время, к сожалению, видимо, будет усложняться.

Та относительная стабильность, которая возникла в России на протяжении последних нескольких лет и стержнем которой была устойчивость национальной конвертируемой валюты, к сожа-

щим, реализовав курс «шоковой терапии» (во главе которой, как выразился А. Чубайс, стояла «кучка сумасшедших во главе с Гайдаром») в России. Многие считают, что при вас произошло ограбление масс и обнищание страны. До сих пор в народе ходит множество мифов «переходного периода». И один из них - «Гайдар, ограбивший старушек». В то же время именно вы нанесли удар по отсутствию товаров на прилавках. Они быстро наполнились, хотя немногие поначалу могли купить эти товары.

Второй «гайдаровский удар» (так воспринят он - позитивно - в общественном сознании) вы нанесли в дни трагических октябрьских событий 1993 года. Вечером 3 октября вы, взяв на

ДВА УДАРА ЕГОРА ГАЙДАРА

Пойдет ли Россия по латиноамериканскому пути?

Механическое перенесение на российскую почву аргентинских или чилийских рецептов невозможно. Если говорить об использовании режима каренси борд (валютного управления), то я не исключаю того, что это решение может быть возможным в России, хотя я бы постарался этого избежать в максимальной степени. Дело в том, что режим каренси борд - это неприятная липлю. Ее приходится лить, если до этого развалили финансовую систему страны и не хватает никаких сил восстановить доверие к национальной валюте. Для большой страны валютное управление включает крупные долгосрочные иски. Поэтому я не против того, чтобы использовать в условиях кризиса на какое-то время механизм фиксации курса на уровне, позволяющем подкрепить валютными резервами денежную базу. В этом суть механизма каренси борд.

Предыдущий вопрос мы задали в связи с тем, что в современных политических процессах России и стран Латинской Америки политологи усматривают немало сходных черт. Главная из них в том, что большинство стран этого региона и Россия отошли от государственного регулирования экономики и от «жесткого» авторитарного правления. Но немало исследователей считают, что в переходный период авторитаризм нам просто необходим, чтобы не допустить развала страны. Только через авторитарную власть, наведя порядок, следует переходить к демократии. Ваше мнение?

- Я написал в 1991 году в своем последнем обзоре в журнале «Коммунист», где анализировал нарастающий кризис, что наши кандидаты в личности вест-лайтов не оканчивали. Поэтому я не очень верю в возможность проведения авторитарных, но экономически целесообразных экспериментов в России. Напомню, что в Латинской Америке были десятки разных диктатур. Как правило, коррумпированных, неэффективных и отвратительных. Если на этом фоне была одна более-менее экономически эффективная и не очень коррумпированная, хоть и жесткая, то ведь совершенно непонятно, почему предпологают, что Россия вытаски именно этот билетик?

себя огромную ответственность, призвали по телевидению народ выходить на улицы Москвы, в том числе и к Моссовету. И он пошел. Решили, что вышедший народ таким образом выразит свою политическую волю и это воздействует на ситуацию и политиков? Как вы сейчас расцениваете те октябрьские события?

- Еще раз подчеркиваю, что у нас не было «шоковой терапии». Если бы она была, то мы с вами сегодня жили бы совсем по-другому и гораздо лучше. И у нас уже несколько лет была бы расцвевшая экономика. А финансовый кризис при всей его жесткости задел бы нас не более серьезно, чем в той же Польше.

О событиях 3 октября. Сейчас они покрыты таким историческим туманом, что очень много людей не понимают, что же происходило. На самом деле 3 октября в Москве шел крупномасштабный вооруженный мятеж, где вооруженные люди захватывали здания, выгоняли оттуда милицию, арестовывали работников органов власти, конфисковывали машины, автомаматы ехали «на дело». Задача была две: завладеть Останкинским и Кремлем. Милиция проявляла крайнюю пассивность. Войска - тоже, по вполне понятным мне причинам. Было полное ощущение, что если будет та картина мира, которую удалось навязать народу баркашовцам и аниповцам (что это народное восстание против режима Ельцина), то никто и лальцем о палец не ударит, чтобы прийти ему на помощь.

Поэтому надо было четко показать, на чьей стороне поддержка общества. И я убежден, что если бы десятки тысяч человек тогда не вышли к Моссовету, то развитие событий было бы совсем другим. «Я ГОВОРИЛ ГРАЧЕВУ: «ДЕНЬГИ Я ТЕБЕ НАЙДУ» - Ваш дед в 16 лет был командиром полка, а отец по образованию - морской офицер, ставший адмиралом. Очевидно, военная тема вам небезразлична. Почему Вооруженные Силы и другие силовые структуры оказались в таком кризисном положении, что многие это воспринимают сегодня как вредительство или в лучшем случае как некомпетентность?

- К сожалению, вынужден с этим согласиться. В СССР и России традиционно была сфера так называемых царских, президентских министерств. По вопросам военного планирования военный министр докладывал только царю,

Очень хочется найти выход из наших непростых проблем за спиной спяного, уминого генерала на белом коне. По-моему, это детский взгляд на вещи. «Никто не даст нам избавления. Ни Бог, ни царь и не герой». Не даст и автократ - либеральный реформатор.

Очень хочется найти выход из наших непростых проблем за спиной спяного, уминого генерала на белом коне. По-моему, это детский взгляд на вещи. «Никто не даст нам избавления. Ни Бог, ни царь и не герой». Не даст и автократ - либеральный реформатор.

Очень хочется найти выход из наших непростых проблем за спиной спяного, уминого генерала на белом коне. По-моему, это детский взгляд на вещи. «Никто не даст нам избавления. Ни Бог, ни царь и не герой». Не даст и автократ - либеральный реформатор.

Очень хочется найти выход из наших непростых проблем за спиной спяного, уминого генерала на белом коне. По-моему, это детский взгляд на вещи. «Никто не даст нам избавления. Ни Бог, ни царь и не герой». Не даст и автократ - либеральный реформатор.

Очень хочется найти выход из наших непростых проблем за спиной спяного, уминого генерала на белом коне. По-моему, это детский взгляд на вещи. «Никто не даст нам избавления. Ни Бог, ни царь и не герой». Не даст и автократ - либеральный реформатор.

напрямую. То же самое было при советской власти, за редким исключением. Военную реформу надо было начинать давным-давно! У нас же она реально началась где-то с 1997 года.

А самое страшное, что может быть - это реформируемая армия в радикально изменившихся условиях. В свое время большевики, при Фрунзе, сократили вооруженные силы в 10 раз, но сохранили боеспособность. И все потому, что была четко поставлена задача, которую хорошо решили. А безумно растянутый период (когда беспомощное руководство Министерства обороны пыталось сохранить те же самые структуры, флажки на карте, которые были еще при СССР, в абсолютно изменившихся геополитических, финансовых, экономических условиях) нанес страшный удар по боеспособности армии!

Я неоднократно говорил Грачеву в 1992 году: «Деньги на военную реформу я тебе найду. Ты давай! Я же не могу придумать за тебя программу военной реформы. Надо тебе, нужны деньги на контрактников? Давайте будем изыскивать средства». Изыскали деньги на контрактников. Взяли 100 тысяч... женщин-военнослужащих. Тоже мне военная реформа! Так что все это я считаю очень серьезной пробуксовкой.

**ТАК КУДА ЖЕ
ПОЙДЕТ РОССИЯ?**

- Вы возглавляете Институт экономических проблем переходного периода. Чем занимался институт в этот переходный период и к чему мы все-таки перешли?

- Переходный период - это экономическая реальность, которая тянется от момента краха устойчивого социализма до момента, когда рождаемые пятна социализма уже серьезно не влияют на функционирование рыночной экономики. Это период, который измеряется, к сожалению (хотя мне хотелось бы сделать его короче), не годами, а десятилетиями. А научная дисциплина, связанная с изучением специфических закономерностей переходных экономик, - это динамично развивающийся подраздел экономической науки. Этим кругом исследований в России и занимается наш институт.

Занимается только теоретическими исследованиями, направленными на анализ динамики инфляции, денежной массы, валютного курса, проведение рынка официальных бумаг... Мы даем анализы состояния и перспективы развития нашей экономики. Наши прогнозы довольно точно сбываются.

- Недавно вы представили публике двухтомник своих произведений. Что сегодня в ваших творческих планах?

- Несколько дней тому назад у нас вышла новая книга «Экономика переходного периода». Большая работа, посвященная анализу семи лет российских реформ. В планах - следующая серьезная работа о генезисе, корнях, развитии и последствиях финансового кризиса в России в 1997-1998 гг.

- И все-таки пойдет ли наша страна по латиноамериканскому пути?

- Она в любом случае пойдет по российскому пути. Другое дело, куда ведет этот путь. Советский Союз, Россия были отдельным, вторым миром. Не первым и не третьим. У этого второго мира две дороги. Одна - нормальная, столбовая дорога в первый мир - развитых, устойчивых демократий. А есть путь, ведущий в третий мир. Очень надеюсь, что по нему Россия не пойдет.

Удары по Гайдару
(журналистские) наносили
Алексей АДАМОВ и
Владимир РОЩУПКИН.
Фото Дмитрия ЗУЕВА.